

Жили Шеферы и Берчи...

Колонистский поселок на 11-й версте

Е. В. Дынина

Своеобразную страницу в истории Петербурга составляют появившиеся в окрестностях города в правление Екатерины II немецкие колонии. В 1762 году императрицей был издан манифест, который приглашал к переселению в Россию иностранцев. В том же году появились и первые переселенцы из Германии, прибывшие с целью освоения свободных земель и ведения на них образцового хозяйства. Переселенцам отводились земельные участки, и оказывалась значительная государственная помощь. Так в разное время возникли крупные колонии – Ново-Саратовская, на Средней Рогатке, в Стрельне, возле деревни Гражданка и другие, – имевшие специфические формы социальной организации.

Но после получения колонистами разрешения покупать землю у частных лиц в XIX веке помимо крупных колоний, имевших соответствующий статус, возникли и постепенно разрастались небольшие частные немецкие поселения, как правило, родственных семей, которые в строгом юридическом смысле самостоятельными колониями считаться не могли. Однако и в таких поселениях соблюдались все национальные обычаи, активно поддерживались отношения с оставшимися в крупных колониях родственниками, что обеспечивало прочность этнических связей.

Интересным примером такого немецкого поселения, начинавшегося с одного двора и насчитывавшего к началу XX века в общей сложности около двадцати домов, был поселок колонистов на 11-й версте Петергофской дороги.

История появления немецких колонистов в тех местах с документальной точностью прослеживается с 1829 года. Первый колонистский участок, приобретенный неким Егором Шефером совместно с братьями Петром и Адамом

Фрагмент карты 1823 г.

Берчами, находился неподалеку от современного памятника «Танк-победитель». На планах Петергофской дороги 1820-х годов тот участок под № 40 значился принадлежавшим купцу Ганзену¹. Неподалеку, сразу же за речкой Красенькой, в ту пору располагался знаменитый Красный кабачок.

Николай Федорович Берч.
Фото 1970-х гг. Из семейного архива Н. Г. Плаговой

Колонисты приобрели дачу у наследников Ганзена с публичных торгов за 33 600 рублей, о чем 10 апреля 1829 года был составлен юридический документ².

И братья Берчи, и Егор Шефер были выходцами из крупной Среднерогаткинской колонии. На 11-й версте Петергофской дороги им суждено было стать родоначальниками весьма своеобразного немецкого поселения, жители которого носили фамилии только Шефер и Берч. Географически поселение разделялось на три части. Первой его частью и стала бывшая дача Ганзена.

Купленный дачный участок тянулся от Лиговского канала до взморья, а в поперечнике составлял 100 сажень. Его общая площадь, согласно прилагавшемуся плану, исчислялась в 100 десятин.

Вскоре приобретенную сообща дачу было решено разделить на две равные части. Но землемер, проводивший измерения в 1830 году, намерил только 75 десятин 2354 сажени вместо 100 ожидавшихся. Получалось, что колонисты при покупке уплатили 8064 рубля лишних денег за недополученные 24 десятины и 46 сажений³. Коло-

Фрагмент карты 1914 г.

был урегулирован конфликт, а также все ли было в порядке с межевыми границами со стороны второй соседки, Е. Е. Франкиной. Неизвестно, удалось ли колонистам «дорастить» свой участок до купленных 100 десятин. Но можно предположить, что полюбовный раздел дачи колонистами между собой все же проведен был, так как в конце XIX века на том участке Петергофского шоссе соседствовали три стоявших подряд дома, владельцами которых были Яков Адамович Берч (дом 122), Федор Адамович Берч (дом 124) и Егор Егорович Шефер (дом 126)⁶. Потомки колонистов жили в этих домах вплоть до начала Великой Отечественной войны.

нисты подали прошение в соответствующую инстанцию, в котором, «чувствуя от покупки оной дачи великий убыток», просили войти в их положение и прислать землемера для выяснения причин исчезновения почти четвертой части их владений⁴. Чтобы уточнить границы владений, нужно было обмерить и участки соседей.

Дело дошло до уездного суда и тянулось довольно долго. «Смежниками» колонистов оказались владелица Красного кабачка госпожа надворная советница Е. Е. Франкина и коллежская асессорша Баташева, владелица участка № 41. При этом межевых признаков между участком колонистов и дачей Баташевой найдено не было. Баташева в то время умерла, дача ее оказалась под опекой, и даже плана участка на руках у наследников не имелось. Тем не менее измерения участков были начаты, но в сентябре 1832 года «по случаю сильно прибылой воды по берегам Финского залива» их продолжение оказалось невозможным, «и осталось дело сие неисполненным»⁵. В июле 1833 года существование опеки на имение Баташевой было прекращено, оно было передано наследникам, и во вскрытых кладовых отыскался план. Когда в 1835 году измерения наконец-то были завершены, колонистам оказалась намерена всего 71 десятина. Итоги межевания вызвали возражения нового владельца соседней дачи полковника Баташева.

К сожалению, в архивном деле не содержится сведений о том, как

В Шеферском переулке: хозяйка дома № 4 Христина Федоровна Шефер с внуками Игорем, Людмилой и Тamarой. Фото 1930-х гг. Из семейного архива Л. А. Трегубовой

Потомки Петра Михайловича Шефера в бывшем Шеферском переулке. Слева направо: Т. В. Шефер, К. Р. Шефер, Р. В. Орловская, Л. А. Пармузина, Н. В. Пармузина. Фото Т. Н. Ладыгиной. 2002 г.

Дом В. А. Шефера на Колхозной улице, 1. Фото начала 1960-х гг.
Из семейного архива Т. В. Федоровой

Внуком Федора Адамовича был до недавнего времени проживавший в Дачном Николай Федорович Берч (1919–2002). Его отец, Федор Федорович Берч, был 1858 года рождения, следовательно, деда, Федора Адамовича, с большой долей уверенности можно считать сыном того самого Адама Берча, который вместе с братом и Егором Шефером приобрел тот участок в 1829 году.

В семье сохранились сведения о большом богатстве деда, которому удалось разбогатеть на покупке акций. Однако и собственное хозяйство было поставлено образцово: прекрасный дом, сарай с навесами, конюшня, коровник, каретник, сеник. Семья занималась извозом – брали подряды на подвоз грузов. Сын Федор Федорович учился в школе при финской церкви, знал впоследствии наряду с немецким и русским еще и голландский язык, успел поработать сверловщиком на Путиловском заводе. Уже после революции, когда проводили коллективизацию, именно его как грамотного человека выбрали первым председателем образованного на базе колониcтских хозяйств немецкого колхоза им. Обкома МОПРа.

Еще в детстве в том колхозе начал свою трудовую биографию Николай Федорович Берч, однако, окончив школу, связал свою жизнь с Кировским заводом, где работал модельщиком. Сейчас потомки Николая Федоровича проживают в Кировском районе.

Второй участок, освоенный немецкими колонистами в этом районе, – земли, следовавшие по Петергофской дороге сразу за больницей Всех Скорбящих. Этот участок за № 45 на карте 1823 года принадлежал доктору Андрею Романовичу Галловою. Участок также, как и все дачи Петергофской дороги, начинался от Лиговского канала и тянулся до взморья. В 1830-е годы этой дачей уже владел немецкий колонист Е. А. Шефер⁷. Возможно, что это был тот самый Егор Шефер, который приобрел дачу у Красного кабачка совместно с братьями Берчами, но с достаточной долей вероятности он мог быть и его тезкой, родственником или однофамильцем. Сохранилась его подпись в одном из архивных

дел, в котором речь идет о возобновлении межевых признаков земель больницы Всех Скорбящих в 1856 году⁸. В том же деле встречается уже и подпись сына, Михаила Егоровича Шефера, ставшего следующим владельцем участка⁹.

Однако на обширной территории бывшей аристократической дачи к концу XIX века стояли и другие дома, в которых также проживали колонисты с фамилией Шефер. Образовался целый «фамильный» поселок, вытянувшийся вдоль разделявшего владения Шеферов и больницу Всех Скорбящих переулка, который стали называть Шеферским. К концу XIX века вдоль переулочка стояло шесть домов. Справочник «Весь Петербург» 1895 года называет домовладельцев: Е. Шефер, А. Шефер, П. Шефер (владелец домов 3 и 4), Я. Шефер и М. Шефер. К 1900 году владельцами трех последних домов стали наследники П. А. Шефера (дом 4), И. П. Шефер (дом 5) и Я. П. Шефер (дом 6).

Самый старый на участке дом № 3 принадлежал прямому потомку Е. А. Шефера, внуку Петру Михайловичу, дети и внуки которого проживали в «родовом гнезде» вплоть до 1941 года. Потомки Петра Михайловича живут в Кировском районе и сейчас. Хранителем семейного архива является его внучка Р. В. Орловская, которая родилась в 1923 году и часть детских лет провела в доме деда. Его внук П. Е. Шефер, родившийся в 1922 году и проживавший до вой-

Современный Соломахи́нский проезд. Фото автора. 2005 г.

ны в доме № 6, также поделился интересными воспоминаниями о довоенной жизни поселка. А изучением генеалогии своей семьи сейчас основательно занимаются праправнучка Петра Михайловича Кристина Шефер и ее мама Татьяна Владимировна.

В прямом родстве с родоначальником династии Егором Шефером состояли не все Шеферы. Поселок разрастался не только благодаря замужествам и женитьбам (причем роднились нередко с Берчами), в семьях немецких колонистов к тому же было в обычае брать на воспитание сирот, давая им свою фамилию. На обширный участок переселялись и родственники из других мест. Так, об Андрее Шефере, ставшем родоначальником еще одной ветви проживавших здесь Шеферов, в семье его потомков сохранилось предание, что переселился он сюда из Кингисеппа. В справочнике «Весь Петербург» за 1900 год Андрей Петрович Шефер числится владельцем дома № 2 по Шеферскому переулку. Вплоть до войны в том доме жили семьи его сыновей, Виктора Андреевича и Владимира Андреевича Шефера, третьего председателя колхоза им. Обкома МОПРа. Этот немецкий колхоз в 1930-е годы вышел в число передовых хозяйств, участвовал в ВДНХ и был награжден орденом Ленина. После войны, уже выйдя на пенсию, Владимир Андреевич сумел поселиться поблизости от родных мест. Его небольшой деревянный дом до начала 1960-х стоял на не существующей ныне Колхозной улице, неподалеку от современной школы № 493. Потомки Владимира Андреевича также живут сейчас в Кировском районе.

Дома колонистов на бывшем участке Галловей стояли и вдоль Петергофского шоссе. Так, в 1914 году дом № 142 принадлежал А. П. Шеферу, дом 144 – Ф. Е. Шеферу, дом 146 – И. М. Шеферу. Далее под № 148 значилась дача Богомолова. На противоположной нечетной стороне шоссе дом № 111 также принадлежал Шеферам¹⁰.

Второй границей бывшего участка Галловей, проходившей параллельно Шеферскому переулку, был Шеферов переулок. Второй «фамильный» переулок располагался

на западном берегу протекавшей по землям колонистов речки Дачной, делал колено в месте ее изгиба, пересекая, и тянулся дальше по линии западной межевой границы земельного участка. Так – от Шеферского до Шеферова – были четко определены по Петергофскому шоссе колонистские владения. В справочнике «Весь Петербург» названия обоих переулков приводятся с двойной буквой «ф», хотя фамилии домовладельцев пишутся с одной. Сами Шеферы на семейном совете решили писать фамилию с одной «ф» после начала Первой мировой войны.

Примечательно также, что на прилагаемых к справочнику «Весь Петербург» картах показан только один переулок – Шеферов. Разделяющая же больницу Всех Скорбящих и владения колонистов

улица на плане никак не названа. Местоположение Шеферского переулка в справочнике определяется лишь словесно: в 1895 году – от № 138 Петергофского шоссе, под которым значилась больница Всех Скорбящих, до Шеферовского поля. Так назывались обширные хозяйственные угодья Шеферов.

Из трех топонимов, образовавшихся от фамилии немецких колонистов, до наших дней не сохранился ни один. Первым исчезло – как частное владение, а затем и физически, оказавшись застроеным, – Шеферовское поле. Шеферов переулок к 1930-м годам превратился в Новую улицу, население которой никакого отношения к Шеферам не имело. Сейчас на землях, по которым когда-то проходил переулок, завершается строительство новых высотных домов.

Семья П. П. Шефера на крыльце дома № 138. Фото начала XX в. Из семейного архива Н. И. Ивановой

Шеферский же переулочек сохранял свое имя вплоть до войны. В послевоенные годы некоторое время это название использовалось, причем Шеферских переулочков тогда было несколько, различались они порядковыми номерами: 1-й, 2-й, 3-й и даже 4-й. Затем название было утрачено, но сам переулочек существует и сейчас. Теперь он носит новое имя – Соломахи́нский проезд, которое было присвоено переулочку в 1997 году в честь прославленного участника обороны города сапера Ивана Соломахина «как безымянному проезду»¹¹.

В довоенную пору существовал в этих местах еще один топоним, связанный с немецкими колонистами – Берчево. Так неофициально называли территорию, граничившую с больницей Всех Скорбящих (в советскую пору – имени Форе́ля) с противоположной, восточной, стороны. Это участок современных домов № 128–138 по проспекту Стачек. На этих землях в экатеринскую эпоху размещалась знаменитая своими празднествами дача «Левендаль» Л. А. Нарышкина. Его сын Д. Л. Нарышкин владел дачей вплоть до своей кончины в 1838 году¹². Пока не удалось установить, когда именно дача «Левендаль» была куплена немецкими колонистами, однако в деле 1856 года о возобновлении межевых признаков земель больницы Всех Скорбящих ее соседом уже числится Иван Петрович Берч¹³. На обширном дачном участке Иван Петрович жил не один, а вместе с племянниками, с которыми в 1856 году соби́рался разделить участок, но по хозяйственным соображениям решено было этого не делать¹⁴. В начале 1880-х годов дача по-прежнему находится в совместном владении колонистов «Ивана, Адама Петра и Ивана Адамовых Берч»¹⁵. Племянников, следовательно, было трое: Адам Адамович, Петр Адамович и Иван Адамович. В 1895 году «Весь Петербург» отмечал на этом участке Петергофского шоссе владельцев четырех домов, с № 130 по 136, соответственно: И. Берч, А. Берч, Е. Берч и П. Берч. Под следующим № 138 числилась больница Всех Скорбящих. К 1900 году произошли изменения: нумерация сместилась, а владельцами соответствующими

Софья Федоровна Квашнина, урожденная Берч. Из семейного архива Н. П. Силиной

щих участков значились Федор Павлович (дом 132), Ал. Павлович (дом 134), Евг. Петрович (дом 136) и Иван Петрович (дом 138). Больнице Всех Скорбящих уже принадлежал номер 140. К 1914 году картина не изменилась. И на этом участке потомки колонистов проживали вплоть до Великой Отечественной войны.

По сведениям, полученным от жительницы района Ни́ны Николаевны Ивановой, родившейся в 1922 году и жившей первые семь лет в доме своего прадеда Петра Петровича Берча, в 1920–1930-е годы на участке № 138 стояли за общим забором три дома, в которых жили братья Иван, Яков и Петр Петровичи. Можно предположить, что это сыновья одного из упоминавшихся

племянников, Петра Адамовича. Иван Петрович был старшим, видимо, поэтому участок числился официально на нем. Однако в самом старом и большом доме на участке жил со своей семьей Петр Петрович. Согласно семейному преданию, этот дом был куплен его отцом у кадетского корпуса. Возможно, что после смерти Д. Л. Нарышкина усадьба «Левендаль» какое-то время действительно использовалась как дача кадетского корпуса.

Живут в Кировском районе и потомки колонистов из дома 132 по довоенной нумерации – семья Ни́ны Павловны Силиной. В семье сохранились дореволюционные фотографии предков, воспоминания о предвоенном хлебосольном и открытом доме, молодой хозяйкой которого в ту пору была Софья Федоровна Квашнина, урожденная Берч. Примечательно, что именно этот дом, несмотря на все сложности военного времени, уцелел, и после окончания войны его жители смогли вернуться под родной кров. Этот деревянный дом, конечно, не сохранился до наших дней: в 1960-е годы территория бывшего Берчева была застроена многоэтажными домами.

Такова в общих чертах история своеобразного немецкого поселения, существовавшего более ста лет на 11 версте Петергофской дороги. Три маленьких колонистских поселка составили, несмотря на территориальную разобщенность, этническое целое, скрепленное родственными узами.

Хотелось бы, чтобы столь своеобразная страница в истории района не была забыта. ■

¹ Карта С.-Петербурга и части Петергофской дороги со списком владельцев дач, 1823 г.

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 262. Оп. 81. Д. 1108. Л. 7.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 30.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп. 3. Д. 3256. Л. 2.

⁷ Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. СПб., 2001. С. 132.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп. 3. Д. 40. Л. 16.

⁹ Там же. Д. 150. Л. 38.

¹⁰ Весь Петербург... СПб., 1914.

¹¹ Распоряжение губернатора Санкт-Петербурга от 06.11.97 № 1144-р в соответствии с решением Топонимической комиссии.

¹² Горбатенко С. Б. Указ. соч. С. 124–127.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп. 3. Д. 140. Л. 20, 26.

¹⁴ Там же. Д. 48.

¹⁵ Там же. Д. 150. Л. 38.

Предлагаемые воспоминания о Шеферском переулке – фрагмент исследования десятиклассницы 503-й школы Кристины Шефер. Ее работа была представлена на Городских краеведческих чтениях 2006 года, где награждена дипломом I степени. Кристина изучает историю своей семьи. Рассказ о доме № 6 записан ею со слов Петра Егоровича Шефера.

Шеферский переулок, дом 6

К. Р. Шефер

О том, что наша семья является потомками немецких колонистов, старались не рассказывать вплоть до начала 1990-х годов, и в силу различных причин документальных свидетельств о жизни немецкой колонии на 11-й версте Петергофской дороги в наших домашних архивах не осталось. Но благодаря воспоминаниям младшего брата моего деда, Петра Егоровича Шефера, и его двоюродной сестры Раисы Васильевны Орловской (Лебедевой), живших до 1941 года в Шеферском переулке, есть возможность на некоторое время вернуться в тот довоенный переулок.

Семья моего деда жила в доме № 6 по Шеферскому переулку. Мой прадед Егор Яковлевич Шефер был женат на Елене Петровне Шефер, дочери Петра Михайловича Шефера (1850–1928) и Екатерины Петровны Шефер (1864–1941), урожденной Берч. Родители Елены Петровны были прямыми потомками первых колонистов Шеферов и Берчей, приехавших на 11-ю версту Петергофской дороги в начале XIX века, и жили в том же переулке в доме № 3.

Петр Михайлович имел большой дом и большое хозяйство: помимо земель на участке по Петергофской дороге возделывались земли, которые были взяты в аренду у графа Шереметева. Выращивали в основном овощи и корма (овес, травы). Корма поставляли на конный завод, где разводили ломовых лошадей. Для полевых работ держали много скота, а зимой, когда таких работ не было, вторым занятием был извоз. В доме прислуги не было, все делали сами, а для работ в поле и ухода за лошадьми нанимали людей. Петр Михайлович с Екатериной Петровной вырастили 9 детей – 5 дочерей (Маргарита, Елена, Христина, Елизавета и

Петр Михайлович и Екатерина Петровна Шефер.
Фото середины 1910-х гг.
Из архива Л. С. Матросовой

Петр Михайлович с внучкой Катей.
Фото 1915–1916 гг.
Из архива Л. С. Матросовой

Екатерина) и 4 сына (Петр, Александр, Федор и Яков). Старшая дочь Маргарита родилась в 1883 году, самый младший сын Яков – в 1898 году. Кроме своих детей в доме постоянно жили взятые на воспитание сироты из немецких семей. Обычно по вечерам каждый обитатель дома находил себе полезное занятие, а кто-то один, чаще всего это была дочь Христина, читал вслух. В доме была большая библиотека, хранились старинные немецкие книги. Дети ко всем праздникам, особенно к Рождеству, готовили поздравления родителям: сами рисовали и сочиняли поздравительные открытки. Два раза в год, в июне на именины Петра и в декабре на именины Екатерины, в дом съезжались гости. Гостей собиралось много: и со Средней Рогатки, и с Гражданки, и из Петергофа, и из Стрельны – там в других немецких колониях жили родственники. Приезжали все на своих лошадях. Чтобы разместить прибывших гостей, двора не хватало, и зимой сани или летом брочки ставили прямо на улице. Гостили по нескольку дней. Петр Михайлович с Екатериной Петровной также навещали своих родственников.

Рядом с домом № 3 по Шеферскому переулку был выстроен небольшой дом с мезонином, имевший номер 4. Вероятно, этот дом построили для того, чтобы жить в нем летом, когда большой двухэтажный дом сдавался под дачу. В конце 1860-х годов тот дом сначала стал арендовать, а затем и выкупил Павел Шефер, приехавший с семьей на 11-ю версту Петергофской дороги из другой колонии и не состоявший в близком родстве с первыми колонистами. У Павла Шефера было два сына – Яков и Егор. Егор со своей семьей остался жить в этом доме, а Яков в нача-

ле 1870-х годов выстроил себе новый дом – дом № 6 по Шеферскому переулку.

Егор Яковлевич, мой прадед, унаследовал этот дом в четырнадцатилетнем возрасте после смерти своего отца Якова Шефера. Егор Яковлевич был в своей семье старшим из детей (он родился в 1874 году), у него было два брата – Павел (1878–1942) и Александр (1882–1942). Известно, что их мать Анна Шефер умерла, когда братья были совсем маленькими, и сирот воспитывал дядя Егор, брат отца, живший в доме № 4 по Шеферскому переулку.

Венчание моих прадедушки и прабабушки, Егора Яковлевича и Елены Петровны, состоялось в православной церкви Путиловского завода 9 января 1905 года. Здание каменной Путиловской церкви, где на втором этаже помещался храм во имя Святителя Николая Чудотворца и святой мученицы царицы Александры, а внизу – церковь Святого великомученика Георгия Победоносца, построенное по проекту В. А. Косякова, к тому времени еще не было освящено, и, скорее всего, венчание происходило в деревянном храме, построенном у самой проходной Путиловского завода в 1899 году.

Мои предки были немцами, и выбор для венчания православной, а не лютеранской церкви вызывает недоумение. Мне удалось узнать, что мой прадед Егор Яковлевич принял православие. Что именно было тому причиной, уже не установить, но в начале 1900-х годов он крестился вместе со своими младшими братьями в православной церкви. Те, кто принимал православную веру, писались во всех документах русскими.

После венчания по заведенному обычаю молодые должны были отправиться кататься по городу, но это им не удалось: у Нарвских ворот была слышна стрельба, начался расстрел рабочих – появление новой семьи совпало с началом Первой русской революции.

После свадьбы молодые поселились в доме № 6 по Шеферскому переулку. Получив по завещанию отца дом, земельный надел, хозяйство и какие-то накопления, Егор Яковлевич по этому же завещанию был обязан помочь в обу-

Елена Петровна.
Фото начала 1900-х гг.
Из альбома Л. С. Матросовой

ведении жильем и хозяйством своим братьям. Средний брат Павел построил в 1910-х годах дом (на четной стороне будущего проспекта Стачек), а младший – Александр служил в царской армии в уланском полку (эта служба до конца жизни закрепила за ним прозвище – Улан) и до 1914 года – начала Первой мировой войны построить или купить для себя дом не успел. А когда он перед революцией женился на Елизавете Петровне Шефер, младшей сестре Елены Петровны, то поселился в одном доме вместе с братом Егором.

Егор Яковлевич с самого раннего возраста и до 1930 года рабо-

Елена Петровна. Фото 1920-х гг.
Из альбома Т. В. Шефер

тал в своем хозяйстве: держал скот – лошадь, корову, свиней, овец; работал в поле, разводил рыбу в пруду у своего дома, подрабатывал извозом. Своим трудом содержал в достатке большую семью. Какое образование получил Егор Яковлевич, неизвестно, но, по воспоминаниям его сыновей, отец очень много читал и обо все имел свое, часто своеобразное, мнение.

Уклад в доме Петра Михайловича, отца Елены Петровны, во многом отличался от уклада в доме ее мужа. Но главное – в доме мужа висели православные иконы, отмечались церковные праздники по календарю православной церкви, а Елена Петровна осталась лютеранкой и регулярно ездила в Стрельну в лютеранскую церковь.

Как и в доме Петра Михайловича, в доме № 6 по Шеферскому переулку были свои праздники. Самый главный праздник того дома отмечался 31 августа – день рождения Елены Петровны. На него приглашали многочисленных гостей, в основном родственников по материнской линии – Шеферов и Берчей. Петр Егорович вспоминает, что его обязанностью с самых ранних лет к этому дню было накопать и начистить большое ведро картошки. День рождения отца Егора Яковлевича был в январе, на него также приходили гости, но только его родственники.

Елена Петровна с Егором Яковлевичем и их пятеро детей – Федор (1912–2000), Елизавета (1916–1942), Владимир (1918–1993), Петр, родившийся в 1922 году, и Константин (1925–1942) занимали большую часть дома из трех комнат и кухни. Елизавета Петровна с Александром Яковлевичем и их трое детей – Александр (1918–1942), Сергей (1921–1942) и Вера (1925–1942 г.) занимали одну комнату и кухню.

Дом был деревянным, с мезонином, со стороны улицы обшит тесом и выкрашен в зеленый цвет. Крыша покрыта железом. К дому примыкали конюшня с сеновалом и хлев. Крыша у хлева была из красной черепицы. В конце участка высился трехэтажный амбар, он тоже был крыт красной черепицей.

Двор был тщательно вымощен камнем и отделен от улицы двухметровым деревянным некрашеным за-

Петр. Фото начала 1910-х гг.
Из архива Л. А. Пармузиной

Елизавета. Фото начала 1910-х гг.
Из архива Л. А. Пармузиной

Екатерина. Фото середины 1910-х гг.
Из архива Л. А. Пармузиной

бором с массивными воротами и небольшой калиткой. На улице вдоль забора росли 3 дуба. Эти дубы посадил Яков Шефер в честь рождения своих сыновей. Слева от дома был пруд, а между домом и прудом – палисадник с множеством цветов, среди которых осенью особенно красиво цвели георгины. За палисадником росли кусты смородины, дальше за ними – огород.

Пруд отличал этот дом от других домов, стоявших в Шеферском переулке, и, говоря о доме № 6, его называли «дом у пруда». Пруд был большим, глубоким, с очень чистой водой и илистым дном. Он образовался на том месте, где когда-то давно брали глину для нужд окрестных строек. В этом пруду разводили и ловили рыбу, летом купались, катались на лодке и плоту. Зимой дети катались с его берегов на санках. Вода была чистой, но очень жесткая, и после того, как в 30-х годах установили водопроводную колонку у дома № 3, воду из пруда перестали использовать для стирки и других хозяйственных нужд.

Федор. Фото середины 1910-х гг.
Из архива Л. А. Пармузиной

Со двора можно было попасть в длинную прихожую, на другом конце которой был выход к конюшне и хлеву. В той же прихожей находилась отделенная загородкой лестница, ведущая на второй этаж в мезонин, там была комната с от-

дельной кухней. Мезонин сдавали на лето. Там же в прихожей хранилась огромная старинная ванна.

Из прихожей проходили в кухню. В домах, построенных по специальным проектам для немецких колонистов, было обычно две кухни. В том доме тоже было две кухни. Но в доме жили две семьи, которые вели отдельное хозяйство, поэтому первая кухня, в которую можно было войти из прихожей, принадлежала семье Егора Яковлевича и Елены Петровны, а уже из нее можно было пройти в кухню семьи Александра Яковлевича и Елизаветы Петровны.

На кухне стояла большая деревянная бочка с водой. Принести домой воду было обязанностью сыновей. Воду носили ведрами, сначала от колонки с улицы Стачек, а с 1936 года водопровод провели по Шеферскому переулку, и колонку поставили у дома № 3 (дом бабушки Екатерины Петровны).

Обстановку кухни составляли плита, буфет и большой стол, за которым семья в полном составе собиралась очень редко. Время

завтраков, обедов и ужинов у каждого из домочадцев было свое.

Из той кухни одна дверь вела в кухню семьи Александра Яковлевича и Елизаветы Петровны, а пройдя в другую дверь, можно было попасть в большую комнату. В ней стоял книжный шкаф, заполненный книгами и учебниками, которые переходили от старших детей к младшим, швейная машинка, посередине – большой стол. Он был центром всего дома, за ним по вечерам дети делали уроки, за ним принимали гостей. Дом был всегда открыт для них. В той комнате жил старший сын Федор.

Следующая комната – по размерам самая маленькая – была спальней Елены Петровны и Егора Яковлевича. В ней находились две кровати – большая широкая кровать родителей и узкая кровать сына Кости. Костя, как самый младший (в 1941 году ему исполнилось 16 лет), жил вместе с родителями. Над родительской кроватью висела полка с книгами, принадлежавшими Егору Яковлевичу. Дополняли обстановку маленький столик и круглая печь, которая занимала значительную часть комнаты. Ею отапливалась и большая комната.

Через родительскую спальню проходили в последнюю комнату – комнату дочери Елизаветы или, как ее называли дома, Лили. Обстановку той комнаты составляли

кровать, большое трюмо, большой шкаф, в котором хранилась одежда всей семьи, буфет, комод, диван и маленький квадратный столик на одной замысловатой ножке, которая в самом низу раздвигалась. Как и полагалось для комнаты девушки, на трюмо и столике лежали белые кружевные салфеточки, кровать была застелена вязаным ажурным покрывалом. На маленьком столике лежал большой альбом с репродукциями картин.

История появления в доме того альбома такова: Егор Яковлевич однажды подрядился перевезти мебель какому-то господину. Мебель перевез, но при расчете разговорился со своим нанимателем и, по-видимому, произвел на него такое впечатление своей эрудицией и неординарностью мышления, что он, расчувствовавшись, подарил Егору Яковлевичу дорогой альбом.

В Лилиной комнате на диване спал брат Владимир. Если он был в отъезде, то его место занимал Петр. Отапливалась та комната печью, которая топилась в комнате Александра Яковлевича и Елизаветы Петровны.

Во всех комнатах висели иконы в дорогих окладах. В конце 1920-х годов Елена Петровна из-за нехватки средств те оклады продала. Позже Егор Яковлевич шутил, что Елена Петровна «раздела бога».

На участке за домом № 6 по Шеферскому переулку. 1940 г.
 Фото П. Е. Шефера. Из альбома Т. В. Шефер
 Стоят слева направо: Елизавета Георгиевна Шефер, Сергей Александрович Шефер, невеста Александра Александровича, Евгений Петрович Шефер, Александр Александрович Шефер, Алексей Георгиевич Лобов, невеста Евгения Петровича, Гертруда Георгиевна Лобова (Шефер), Федор Георгиевич Шефер и Эдуард Павлович Шефер. Сидит Александр Яковлевич Шефер

В 1930 году на землях немецкой колонии организовали немецкий колхоз имени Обкома МОПРа (МОПР – Международная организация помощи рабочим) для выращивания овощей для населения Ленинграда. Егор Яковлевич в колхоз вступать не стал.

К началу 1930-х годов два младших брата, Павел и Александр, работали на Путиловском заводе мастерами. С их помощью Егор Яковлевич устроился на Путиловский завод в прокатный цех разнорабочим и проработал там до 1936 года. В 1936 году его позвали в колхоз имени Обкома МОПРа работать агрономом. В то время колхоз уже был орденосным – был награжден орденом Ленина, участвовал в ВДНХ.

К концу 1930-х годов в доме № 6 по Шеферскому переулку жили небогато, но очень весело. Весной, летом и ранней осенью каждое воскресенье в дом приезжали и приходили гости. Место было живописное, загородное – Дачное, и друзья тогда уже взрослых детей часто проводили там выходной день. В доме звучала музыка, была радиола* и патефон. Петр каждый месяц часть своей зарплаты тратил на пластинки и собрал большую коллекцию, которая пропала во время войны. Петр увлекался и фотографией. У него был фотоаппарат «Фотокор», которым он сделал много снимков родных и друзей. К сожалению, все довоенные фотографии пропали, только одну из них удалось обнаружить. Эта фотография хранилась в нашем домашнем альбоме. Мой дед Владимир Георгиевич в 1950-х годах увидел ее в альбоме своей двоюродной сестры Гертруды Георгиевны Лобовой (дочери Христины Петровны), и так как это была единственная фотография, на которой была его сестра Лилия, то фотографию ему подарили.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Петру Егоровичу хорошо запомнилось то июньское утро.

Выходной день. В отъезде Владимир – у него очередная экспедиция. Петр с отцом Егором Яковлевичем сажал картошку на своем

* Скорее всего, радиола появилась уже в послевоенное время. – Ред.

огороде. Федор с утра ушел на завод – в их цехе заканчивали срочный заказ, и его вызвали на «аккордные» работы. Перед полуднем Федор вернулся с завода, и от него семья узнала, что началась война, и в 12 часов дня по радио будут передавать официальное сообщение правительства. Двоюродный брат Сергей работал электриком на заводе и был заядлым радиолубителем. Он очень быстро вывесил репродуктор на столб и подключил его через усилитель. Радио стало слышно по всей округе, оно работало громче, чем то, что было установлено в больнице имени Фореля. К дому стали подходить соседи, останавливались прохожие. Перед домом собралась большая толпа, все слушали передаваемое обращение Молотова.

Уже в августе начались бомбежки. Жители домов по улице Стачек и Шеферскому переулку пережидали бомбежки в подвале больницы Фореля, многие там и поселились. 8 сентября 1941 года началась ленинградская блокада. До начала блокады Федор эвакуировался со своим инструментальным цехом в Свердловск.

Передний край обороны города подошел к Шеферскому переулку, рядом размещались военные части. Обстрелы почти не прекращались, но Егор Яковлевич копал картошку на своем огороде. Солдаты кричали ему: «Уходи, дед, убьют!», а он не мог допустить, чтобы пропал урожай, и упрямо продолжал копать. Егору Яковлевичу удалось убрать все свое картофельное поле. Он сложил собранную картошку в специально выкопанную яму – бурт и только после этого вернулся в подвал больницы. Егор Яковлевич надеялся, что хотя бы картошкой сможет прокормить семью. Но подъехал военный грузовик, всю картошку погрузили на машину. Нельзя сказать, что картошку украли или отобрали – за нее выплатили деньги, но что значили эти деньги в блокадном городе по сравнению с продуктами питания.

В сентябре 1941 года в подвале больницы Фореля умерла бабушка Екатерина Петровна. Лютеранское кладбище, где раньше хоронили Шеферов и Берчей и где был похоронен ее муж Петр Михайлович, было уже на нейтральной по-

Петр, Владимир, Федор. 1947 г. Свердловск. Из архива Т. В. Шефер

лосе фронта, и Екатерину Петровну похоронили во дворе дома Силиных в Берчево.

16 октября вместе с рабочими своего цеха на одном из последних самолетов, выделенных для эвакуации рабочих и ценного оборудования Кировского завода, покинул блокадный город Петр. До того времени с сентября Петр жил у своего приятеля Владимира Рудакова, родители которого уже уехали из Ленинграда в эвакуацию. Петру удавалось несколько раз проводить своих родных в Шеферском переулке. Это было непросто, так как дальше Автово из города никого не выпускали. Петр, прекрасно зная местность, сначала задворками, а затем по берегу Финского залива добирался до родного дома. Там он попрощался с родителями и больше с ними не встретился.

Сначала Александр Яковлевич (дядя Шура) со своей семьей в начале октября 1941 года переселился на Красную улицу (в 1991 улице вернули ее историческое название – Галерная) в один из флигелей Дворца труда. Вскоре к ним приехали Лиля и Костя, а в ноябре оставили свой дом в Шеферском переулке и Елена Петровна с Егором Яковлевичем. Но, как оказалось, дом на Красной улице находился в зоне постоянных артобстрелов гитлеровцев. Объяснялось это тем, что на Неве у площади Труда стояли боевые корабли Балтийского флота, оттуда они вели огонь по вражеским позициям у южных рубежей

Ленинграда. К январю 1942 года обе семьи переселились на Старо-Невский проспект, более точного адреса теперь уже не установить.

Зимой, в начале 1942 года, произошел трагический случай. Лиля и Костя пошли получать по карточкам хлеб. Они стояли в длинной бесконечной очереди, и у Кости случился голодный обморок. Он упал, потеряв сознание. Лиля «побежала» за саночками, по-видимому, она очень испугалась за брата и думала только, как ему помочь. Вернулась она, как только нашла саночки, отвезла Костю домой, и только дома обнаружили, что карточки, которые были у Кости, пропали. Продавать им было нечего, они уже два раза переезжали, да и не было у них очень ценных вещей. Сколько дней они смогли продержаться без хлеба, теперь уже неизвестно. Знаем только, что похоронены все – Егор Яковлевич, Елена Петровна, Лиля и Костя – в братской могиле на Волковском кладбище. Там же похоронены Александр Яковлевич, Елизавета Петровна, Шура, Сергей и Вера.

Так в блокаду закончился жизненный путь большинства жителей дома № 6 по Шеферскому переулку. Название переулка – «Шеферский» – исчезло с карты города после войны, и на сегодняшний день единственным памятником людям, жившим на том месте, остается один из дубов, посаженных Яковом Шефером в переулке возле своего дома. ■